

КЕНТАВР CENTAURUS

№3

КЕНТАВР CENTAURUS

Studia classica et mediaevalia

Москва

2006

Из «Первой всеобщей хроники Испании». Осада Саморы (гл. 830–844)

«Первая всеобщая хроника, составленная по приказу короля дона Альфонсо Мудрого», — одно из наиболее выдающихся памятников средневековой кастильской историографии. Составленная в 70-х — 90-х годах XIII в., она (наряду с «Всеобщей историей») стала первым историческим сочинением, написанным на старокастильском языке¹. Но в полной мере ее значение может быть осознано лишь с учетом самого широкого культурного контекста, определившего развитие кастильской культуры (в том числе — литературы и историографии) середины — второй половины столетия. Видимо, наиболее полное определение этого явления выражено в названии сборника, подготовленного американскими испанистами и выпущенного в 1990 г. в Пенсильвании — «Ренессанс XIII века»². Причем история этого «ренессанса» неотделима от истории его вдохновителя — короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252–1284) — «императора культуры»³.

В последние полтора десятилетия историографическое наследие эпохи Альфонсо Мудрого привлекает большое внимание исследователей, главным образом филологов, исповедующих принципы постмодернизма. При этом основная направленность соответствующих работ связана с выявлением источников и с реконструкцией метода составителей «Первой всеобщей хроники Испании» (далее — «Хроника...»)⁴.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что «История Испании» (на основе которой после смерти Альфонсо X сложилась «Хроника...») должна была увенчать собой серию исторических произведений, составляющих вместе «Всемирную историю». Она была ориентирована на высшую светскую кастильскую знать. Р. Менендес Пидаль, впервые опубликовавший «Хронику...», датирует начало ее создания 1270 г. Это доказывается, во-первых, тем, что королевский титул Альфонсо X в предисловии к «Хронике...» дан в той форме, которая не могла использоваться ранее 1270 г., а во-вторых, тем, что именно в этом году Альфонсо X

попросил на время у приора монастыря святой Марии Нахерской и у капитула Авилы несколько книг для переписки, поскольку они отсутствовали в его королевской библиотеке⁵. Среди этих книг были и необходимые ему для написания некоторых из первых 100 глав «Хроники...». Даты окончания «Хроники...» испанский исследователь не называет. Вторая часть «Хроники...» (начиная с 633 главы) была, как следует из названия, начата в 1289 г., в царствие сына Альфонсо Мудрого, Санчо IV Храброго (1284–1295). Точная дата окончания второй части неизвестна.

В отношении авторства «Хроники...» необходимо заметить, что в этом случае, так же как и в случае со многими другими хрониками Западной Европы, мы имеем дело с плодом коллективного труда. Авторство первой части «Хроники...», помимо самого Альфонсо X Мудрого, принадлежит также команде его сотрудников, в которую входили Хофре де Лоайса, Хуан Хиль де Самора, Бернардо де Бриуэга, Мартин де Кордова и др.⁶ При Санчо IV участие короля в работе над «Хроникой...» резко сократилось.

Говоря об источниках «Хроники...», следует сказать, что она представляла собой огромную компиляцию, «труд ножниц и клея», по словам известной исследовательницы средневековой Испании Э. Проктер⁷. В ее основу легли два обширных исторических труда, составленных немного ранее, при отце Альфонсо X, короле Фернандо III Святом: «Готская история»⁸ архиепископа Толедского Родриго Хименеса де Рада⁹, с одной стороны, и «Всемирная хроника»¹⁰ Луки, епископа Туйского¹¹ — с другой. Помимо сочинений этих двух авторов, составители «Хроники...» использовали в своей работе материалы из героических легенд и песен, среди которых можно назвать «Песнь о Сиде», «Песнь о Бернардо дель Карпио», «Поэму о Фернанде Гонсалесе» и «Песнь о взятии Саморы». Именно последний названный текст и стал основным источником для эпизода «Хроники...», перевод которого сейчас предлагается вниманию читателя.

Предваряя собственно перевод фрагмента «Хроники...», заметим, что он представляет несомненный интерес для историков-испанистов, а также историков средневекового права Кастилии и Леона. В центре повествования оказывается один из интереснейших институтов, а именно — судебный поединок. В «Хронике...» рассказ о нем следует непосредственно за описанием гибели короля Кастилии Санчо II (1065–1072) и предшествует началу повествования об эпохе единоличного правления Альфонсо VI (король Леона в 1065–1072, король Кастилии и Леона в 1072–1109). С правлением обоих королей тесно связана биография легендарного Сиды — Родриго Диаса де Бивар (ум. 1099). Санчо II пришел к власти в результате раздела королевства Леон и Кастилия его основателем Фернандо I (1037–1065). Последний наделил землями всех своих детей. При этом старшему сыну, инфанту дону Санчо, отошли во владение Кастилия и дань, которую платил мавританский король Сарагосы; среднему, дону Альфонсо, — Леон и дань, получаемая с Толедо, а младшему сыну, инфанту дону Гарсии, — Гали-

сия и Португалия и выплаты дани с городов Севилья и Бадахос. Двум же дочерям, донье Эльвире и донье Урраке, Фернандо передал доходы со всех монастырей, находившихся на территории трех королевств, с тем условием, что они не имели права вступать в брак¹².

Непрочный мир между тремя братьями продержался недолго: всего через два года, после смерти их матери – королевы доньи Санчи, – в королевстве вспыхнула междоусобная война, инициатором которой был король Кастилии Санчо II. В 1068 г. он атаковал короля Леона Альфонсо и после битвы при Льянтаде вынудил его бежать из Леона и искать укрытия в мавританском Бадахосе. Покинув Бадахос, Альфонсо заключил мир с Санчо и вторгся во владения своего третьего брата – короля Галисии и Португалии Гарсии. Вскоре к нему присоединился и Санчо Кастильский. В 1071 г., после нескольких лет войн и интриг, Гарсия был пленен Санчо и заключен в замок.

После пленения Гарсии мир продлился всего несколько месяцев: в начале 1072 г. Санчо нарушил мир с Альфонсо и, разбив его войска в битве при Гольпехеро (Каррион), взял его в плен, однако вскоре выпустил по ходатайству доньи Урраки и позволил удалиться в Толедо, ко двору его данника – мавританского короля Мамуна. Таким образом, Санчо успешно объединил под своей властью все три королевства, составлявших ранее державу его отца. Однако ему не было суждено воспользоваться плодами этой победы – против него вспыхнуло восстание леонских грандов, возглавленное его сестрой, доньей Урракой. Центром восстания стал город Самора. Санчо собрал войска и осадил Самору, намереваясь покарать мятежников. После продолжительной осады в городе начался голод. Но прежде чем город успел сдаться на милость короля, одному саморскому рыцарю, по имени Вельидо Адольфо, удалось обманом вкратиться в доверие к королю и убить его. После смерти Санчо II, погибшего в октябре 1072 г., в возрасте 34 лет, осада с Саморы была снята. Королем стал вернувшийся из Толедо дон Альфонсо, единолично правивший Кастилией и Леоном до 1109 г. под тронным именем Альфонсо VI¹³.

Эти события отражены, прежде всего, в «Песни об осаде Саморы», составленной, по мнению наиболее авторитетной ее исследовательницы, К. Реиг, в царствование Альфонсо VI, т. е. не позднее 1109 г.¹⁴ Однако сама «Песнь...» до нас не дошла и может быть реконструирована лишь по более поздним текстам, созданным, по всей видимости, под ее прямым влиянием. Прежде всего речь идет об истории осады Саморы, вошедшей в латинскую «Хронику Нахеры»¹⁵, созданную около 1160 г., и о большом фрагменте «Первой всеобщей хроники Испании», посвященном походу Санчо II против Саморы и описанию осады города со всеми последовавшими событиями.

Анализируя текст «Хроники...», можно отметить наличие там одного момента, отсутствующего в предшествующих источниках. После того как Санчо II был убит и его похоронили, кастильские магнаты решили бросить вызов¹⁶ консе-хо Саморы и обвинить его в предательстве, которым являлось убийство короля.

В ходе обсуждения деталей вызова глава консехо (территориальной общины) Саморы дон Ариас Гонсало заявил, и впоследствии его слова были подтверждены алькальдами, что человек, бросающий вызов консехо города, являющегося центром епископства или архиепископства, обязан сражаться на поединке с пятью противниками подряд, один за другим. Особая привлекательность этой нормы состоит в том, что она не имеет аналогов ни в одном из известных источников – ни в фуэро, ни в текстах королевского законодательства, ни в постановлениях кортесов не содержится нормы, указывавшей хотя бы на возможность вызова консехо.

Виднейший испанский историк права, посвятивший несколько работ институту судебного поединка в праве Леона и Кастилии, А. Отеро Варела, заявляет, что корректно интерпретировать эту норму не представляется возможным и можно только гадать об ее источнике и смысле¹⁷. В противовес этой точке зрения высказывались самые разные, в том числе и совершенно необоснованные предположения (например, Р. Хиберт полагал, что число «5» каким-то образом связано с количеством пальцев на руке (??)¹⁸, но совершенно не ответил на вопрос о том, причем здесь рука). Мы, со своей стороны, можем предположить, что в данном случае некорректно интерпретировать норму в отрыве от контекста.

Следует учесть, что, сражаясь за честь кастильского рыцарства с представителями консехо Саморы, боец кастильцев, Диего Ордоньес, убил трех противников из пяти, но, благодаря действиям своего третьего противника, не смог продолжать боя далее, и судьи отложили решение этого дела: «присяжные не захотели ни продолжать бой, ни решать, были ли побеждены саморцы или нет; так и осталось это дело неразрешенным». Тем самым составители «Хроники...» достаточно ярко выразили свое отношение к описанным ими событиям: с одной стороны, убийцы короля, без сомнения, были неправы, что доказывают три убитых поединщика с их стороны; с другой стороны, Санчо II поступил противно праву, осадив Самору, и этим сам навлек на себя беду. Таким образом, оказывается, что в данном случае мы имеем дело не столько с историко-правовым казусом, сколько с аллегорией, призванной продемонстрировать читателю оценку описанных событий составителями «Хроники...» и лично королем.

Настоящий перевод сделан по изданию: Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Vol. 2 / Publ. R. Menendez Pidal. Madrid, 1955.

А.В. Маре́й

Шел шестой год правления дона Санчо, короля Кастилии, Леона, Галисии и Португалии, который был 1100-м годом эры¹⁹, 1062-м годом от Воплощения Господня и 14-м годом правления Генриха, императора Рима²⁰. В этот год, о котором мы здесь говорим, после того, как все люди собрались в Сан Факунде (Саагуне)²¹ в тот день, в который им приказал король дон Санчо, когда он об этом узнал, его это очень обрадовало; и с большой радостью, которую он от этого испытывал, он, как рассказывает история, поднял руки к Богу и сказал дважды: «Хвала тебе, Господи! Хвала тебе, Господи, за то, что отдал ты мне королевства моего отца!». Сказав это, он приказал огласить по всему Бургосу²², чтобы все вышли ожидать его зная. И в день, когда вышли из Бургоса, остановились на привал в Фроместе. На следующий день прошли через Каррион²³, но не захотел король делать там привал и направился в Саагун, где располагалось, поджидая его, все его войско, и расположился вне города. И когда прошел первый час ночи, приказал поднять все войско и выступать; и они шли так, что на третий день пришли к Саморе и расположились на берегу Дуэро. И приказал король объявить по всему войску, чтобы оставались они все спокойными и мирными, и чтобы никоим образом не творили зла до тех пор, пока он им этого не прикажет. После этого король со всей своей свитой (*mesnada*)²⁴ поехал верхом вокруг города и увидел, что тот был высечен в скале, и стены его были крепки, и башни также крепки и массивны, а с другой стороны была река Дуэро, которая текла у подножия скалы; и сказал он тем, кто ехал с ним: «теперь видите, сколь крепок этот город; полагаю, что его не смогут взять ни мавры, ни христиане; и если я смогу его получить от моей сестры в дар или в обмен, то стану сеньором Испании». Теперь расскажем, что сделал после этого король дон Санчо.

Глава 831. О том, как король дон Санчо послал сказать к своей сестре донье Урраке, чтобы та отдала ему Самору

После того, как король дон Санчо осмотрел город и сказал своим рыцарям те слова, которые мы передали [выше], вернулся он к своим шатрам и затем послал за Сидом, и сказал ему: «Сид, Вы знаете, что мой отец достойно воспитал Вас в своем доме и сделал Вас рыцарем и своим майордомом (*mayoral de toda su casa*) в Коимбре²⁵, когда отвоевал ее у мавров; а когда он умирал в Кабесоне, то рекомендовал Вас всем своим сыновьям, и мы все поклялись ему в том, что будем делать Вам добро; и я сделал Вас сеньором и своим майордомом, и дал Вам из моих земель

больше, чем целое графство. Теперь хочу просить Вас, как друга и доброго законного вассала, чтобы отправились Вы в Самору и еще раз передали моей сестре донье Урраке, чтобы отдала она ее мне в дар или в обмен, а обмен будет таким: я дам ей город Медина де Риосеко²⁶ со всем его инфантством, и земли от Вильяэльпандо до Вальядолида²⁷, и еще Тьедру – прекрасный замок; и поклянусь я ей вместе с двенадцатью из моих вассалов в том, что никогда не нарушу я данной ей клятвы ни договора, который с ней заключу. А если не захочет этого сделать, то скажите ей, что я отберу у нее Самору силой». И Сид тогда поцеловал руку королю дону Санчо²⁸ и сказал ему: «Сеньор, для другого такое поручение, как это, было бы тяжело, но для меня оно подходит, так как я был воспитан в Саморе, где приказал меня воспитать Ваш отец, с доньей Урракой, в доме дона Ариаса Гонсало²⁹, и я знаком с доном Ариасом и со всеми его сыновьями, и потому с большим удовольствием сделаю то, что Вы мне приказываете». И затем Сид распрощался с королем и отправился к Саморе с пятнадцатью из своих рыцарей; и когда подъехал близко к городу, сказал тем, кто охранял башни, чтобы они не метали в него стрел, так как он – Руй Диас Сид, который прибыл с поручением от короля дон Санчо к донье Урраке, его сестре, и чтобы они узнали у нее, прикажут ли ему войти. Вышел тогда к нему рыцарь, который был племянником дон Ариаса Гонсало, и остановился на надвратной площадке, и сказал Сиду, чтобы тот вошел в город и что он прикажет дать ему хорошее место после того, как он узнает у доньи Урраки, прикажет ли она допустить его к себе. И Сид ответил, что слова рыцаря справедливы, и надлежит ему поступить именно так. Рыцарь отправился к донье Урраке и сообщил ей, что в город прибыл Сид и что явился он с поручением от ее брата, короля дон Санчо. Она ответила, что рада Сиду, и пусть он предстанет перед ней и узнает она, о чем он просит; и приказала дону Ариасу Гонсало, чтобы тот вышел принять Сиду со всеми рыцарями, которые там были. И после того, как Сид вошел во дворец³⁰, очень хорошо приняла его донья Уррака и сказала ему, что хорошо то, что он приехал; и затем присели оба, и донья Уррака обдумала свои слова и молвила: «Сид, Вы помните, как воспитывались со мной здесь, в доме дон Ариаса Гонсало, и как приказал Вам король дон Фернандо, мой отец, когда собрался умирать, чтобы Вы советовали его детям лучшее, что сможете и будете знать, и потому прошу, чтобы Вы мне поведали о том, что будет делать король дон Санчо, которого я вижу здесь вместе со всей Испанией, или в какие земли он собирается идти». Сказал тогда Сид: «Донья Уррака, ни посланец, ни письмо не должны терпеть зла; и если Вы меня защитите³¹, то я сообщу Вам то, что меня послал сказать Вам король дон Санчо». Отвечала она тогда, что сделает так, как прикажет дон Ариас Гонсало. И молвил дон Ариас, что будет правильным выслушать то, что послал сказать ее

брат «так как, если вдруг он хочет идти против мавров и просит Вас о помощи, хорошо будет, если Вы ее ему предоставите, и я дам ему пятнадцать из моих сыновей, снаряженных и конями, и оружием, и продовольствием, хоть бы и на десять лет». Сказала тогда донья Уррака Сиду, чтобы тот спокойно говорил то, что пожелает. Мой Сид отвечал так: «Король дон Санчо, Ваш брат, послал Вас приветствовать и сказал Вам, чтобы Вы отдали ему Самору в дар или в обмен, и что он отдаст Вам земли от Вильяэльпандо до Вальядолида и Медину де Риосеко со всем его инфантством, и Тьедру — очень хороший и укрепленный замок; и поклянется он Вам с двенадцатью из своих вассалов, что останется этот договор нерушимым и что он никогда не пойдет в этом против Вас. А если Вы не захотите отдать ему требуемое, то он велел сказать Вам, что отберет у Вас Самору». А теперь расскажем о том, что сделала инфанта.

Глава 832. О соглашении, которое заключила инфанта донья Уррака с консехо Саморы о том, следует ли отдавать город королю дону Санчо

Когда донья Уррака услышала это поручение со стороны короля дона Санчо, то была она очень озабочена и опечалена в сердце своем, и сказала так, роняя слезы из глаз: «Горе мне, что мне делать со столь дурными новостями, которые я слышала после того, как умер мой отец? Он забрал земли у моего брата, короля дона Гарсии, и пленил его, и бросил в железа, и лежит тот, страдая, словно вор или предатель. У короля дона Альфонсо также отнял он его земли и вынудил бежать из королевства и отправиться к маврам, как если бы тот был изменником, и не захотел, чтобы кто-либо сопровождал его, за исключением только Педро Асуреса и его братьев, которых я послала с ним. Мою сестру, донью Эльвиру, он лишил Торо против ее воли, а у меня он хочет отнять Самору. Пусть же разверзнется земля подо мной, чтобы не видела я стольких печалей». И, как говорят, будучи в большом гневе, так сказала против брата своего, короля дона Санчо: «Я женщина, и он хорошо знает, что я не буду сражаться с ним, но убью его тайно или явно». Поднялся тогда дон Ариас Гонсало и сказал перед всеми «добрыми людьми»³² Саморы и перед всем консехо города, которое приказала созвать инфанта, его сеньора, и которое, собравшись, находилось там: «Сеньора донья Уррака, не стесняйтесь плакать и жаловаться, так как правильно и разумно собрать все консехо в час великой нужды, и выбрать то, что будет наилучшим, и мы так и поступим. Прикажите же сейчас, чтобы все жители Саморы собирались в Сан-Сальвадоре³³, и мы узнаем, желают ли они быть на Вашей стороне, так как Ваш отец оставил Вас им как сеньору; и если захотят удерживать

с Вами город, то не отдавайте его ни в дар, ни в обмен; а если они этого не захотят, то мы все попросимся и отправимся в Толедо, к маврам, куда убыл Ваш брат, король дон Альфонсо». И донья Уррака, дама весьма сведущая и разумная, сделала так, как посоветовал ее наставник, и приказала объявить по всему городу, чтобы все собирались в Сан-Сальвадоре; и после того, как все сошлись туда, молвила им донья Уррака: «Вассалы и друзья³⁴, я пришла сюда, чтобы сообщить вам, что мой брат, король дон Санчо, послал сказать мне, чтобы отдала я ему город в дар или в обмен, а в противном случае он отберет его; и если вы захотите оставаться со мной, как добрые и верные вассалы, я не сдам ему город. И прошу я вас, чтобы вы мне ответили на мои слова». Поднялся тогда старый «добрый человек» из самых почитаемых людей города, которого звали дон Нуньо, и, с согласия консехо и со всеобщего поручения, заявил: «Сеньора, благослови Вас Бог за то, что Вы захотели почтить нас, придя к нашему консехо; и мы Ваши вассалы, и никогда Вас не оставим вплоть до смерти, и будем держаться с вами, куда сможем и никогда не отдадим город против Вашей воли». Когда инфанта донья Уррака услышала этот ответ консехо, то обрадовалась она всем сердцем и обратилась к Сиду: «Сид, Вы уже слышали то, что мне сказало мое верное консехо Саморы, и то, что все обещали. А потому идите и скажите моему брату, что скорее я умру вместе с жителями Саморы и они вместе со мной, чем мы отдадим ему город в обмен или в дар». Попрошался тогда Сид и отправился к королю дону Санчо и сообщил ему все, как было, и что никак не хотят отдать ему город. Теперь расскажем о том, что было дальше.

Глава 833. О том, как король дон Санчо, гневаясь на Сиду, приказал ему покинуть его королевство, и о том, как он послал за ним

Вернулся Сид с ответом из посольства, и после того, как он передал королю дону Санчо то, что ответили ему донья Уррака и консехо Саморы, что не отдадут они ему города никоим образом, после того, как король все это услышал, очень разгневался он на Сиду и сказал ему: «Это Вы посоветовали моей сестре, чтобы она сделала так, поскольку Вы здесь воспитывались вместе с ней; и если бы не было того, что мой отец оставил Вас мне на попечение, то я приказал бы убить Вас сейчас за это. И приказываю Вам, чтобы в течение девяти дней, начиная с сегодняшнего, покинули Вы пределы моих владений, так, чтобы я Вас больше здесь не видел»³⁵. Тогда Сид направился в свой шатер и созвал своих вассалов, и своих приближенных, и своих друзей, и остановился этой ночью на при-

вал в Кастро Нуньо; и решил он уйти в Толедо к маврам, где находился король дон Альфонсо. И когда увидели это графы и магнаты из войска, пришли они к королю дону Санчо и сказали ему: «Сеньор, никоим образом не должны Вы терять такого вассала, как Сид, и пошлите за ним, и не отпускайте его от себя, так как много потеряете Вы, прогнав его». Король понял, что они сказали правду, и приказал позвать рыцаря, которого звали Диего Ордоньес, который был сыном графа дона Ордоньо и племянником графа дона Гарсии Курчавого Граньонца, и сказал ему: «Поезжайте быстро и скажите Сиду, чтобы он пришел ко мне; и если он сделает это, то поступит как добрый и верный вассал, и я дам ему из моих владений графство и сделаю его моим майордомом». Тогда Диего Ордоньес ускакал и как, мог быстро, направился за Сидом. Когда Сид увидел его, то принял очень хорошо и спросил, зачем тот приехал; и ответил ему дон Диего: «Король послал Вам сказать, чтобы вернулись Вы к нему и оставались с ним, что даст он Вам из своих земель графство и всегда будет делать Вам великое добро и сделает Вас своим майордомом; а то, что он Вам сказал, чтобы Вы убирались из его владений, то он это сделал в большом гневе на донью Урраку, свою сестру». Ответил тогда Сид Диего Ордоньесу, что поговорит со своими вассалами и сделает так, как они ему посоветуют. После чего приказал он их позвать и изложил суть того поручения, с которым прибыл от короля Диего Ордоньес, и его вассалы посоветовали, чтобы он вернулся к нему, раз тот послал за ним, так как лучше, чтобы он оставался при своем сеньоре и на своих землях, чем чтобы он отправился изгнанником во владения мавров и жил бы там на чужих землях. И решил Сид, что доброе посоветовали ему его вассалы, и позвал Диего Ордоньеса и сказал ему, что хотел бы сделать так, как ему приказал его сеньор. И дон Диего послал тогда сообщить это королю; и король вместе с пятистами рыцарями выехал навстречу Сиду на две лиги³⁶. И Сид, когда увидел короля, то спустился с коня и подошел поцеловать королю руку, и просил его милости подтвердить то, что он обещал через Диего Ордоньеса. И король подтвердил это перед всеми рыцарями и сказал, что всегда будет делать Сиду добро. Потом вернулся король к своему войску, и очень обрадовались все тому, что Сид вернулся, и все его сопровождали. А теперь расскажем о том, что было дальше под Саморой.

Глава 834. О том, как король дон Санчо штурмовал Самору, и о совете, который дал Ариас Гонсало донье Урраке

После всех этих событий держал король дон Санчо совет со своими магнатами и с прочими, кто там был, о том, что будут они штурмовать Самору, и приказал затем объявить по войску, чтобы все снаряжались для

того, дабы на следующий день идти штурмовать город. И штурмовали его весьма ожесточенно три дня и три ночи. И рвы, которые были очень глубоки, засыпали камнями и почвой и сравнивали с землей. И разрушили барбаканы³⁷, и что было силы бились на мечах те, кто штурмовал город с теми, кто его защищал, и погибло там множество народа, столько, что вода в Дуэро вся покраснела от крови погибших. Когда это увидел граф дон Гарсия де Кабра, сильно опечалился он о людях, которые бились здесь, христиане против христиан; и пошел он к королю дону Санчо, и поцеловал ему руку, и сказал: «Сеньор, да будет Ваша милость! Прикажите, чтобы перестали штурмовать город, так как потеряете Вы здесь многих из Вашего войска. Держите город в осаде и очень скоро Вы возьмете его из-за голода». Тогда приказал король, чтобы прекратили штурм и подсчитали, сколько людей там погибло; и подсчитали их и увидели, что было мертвых 1030 человек³⁸. Когда король это услышал, то, в глубокой печали, приказал он окружить весь город кольцом осады; и поют в героических песнях³⁹, что держал он осаду на протяжении семи лет; но этого не может быть, потому что он правил не более шести, как мы видели написанным в хрониках и в книгах историй на этот счет, и в эти шесть лет совершил он все то, что мы уже о нем рассказывали. Но все же истинно, что штурмовали город каждый день весьма ожесточенно, и осада длилась долгое время. И рассказывает история, что в один из дней Сид, когда ехал один перед городом, столкнулся с четырнадцатью рыцарями, и сразился с ними, и убил одного из них, а тринадцать обратил в бегство. А в городе уже начали страдать от голода. И дон Ариас Гонсало, когда увидел людей в столь великих страданиях от голода и смертей, сказал инфанте донье Урраке: «Сеньора, прошу Вашей милости, чтобы приказали Вы собраться всем жителям города и сказали бы им, что сдадите город королю дону Санчо в течение девяти дней⁴⁰, поскольку, будучи верны Вам, терпят они много зла и много страданий. А мы отправимся к Вашему брату, королю дону Альфонсо, во владения мавров, так как по моей воле никогда Вы не останетесь в Саморе вместе с королем доном Санчо». Инфанта донья Уррака так и поступила, и послала за всеми жителями Саморы, и сказала им: «Друзья, вы были очень хорошими и верными, и много страданий вынесли, являя свою преданность, и потеряли многих родственников и друзей, и, поскольку я вижу, что вы сделали уже достаточно в этом, приказываю вам, чтобы сдали вы город королю дону Санчо в течение девяти дней, начиная с этого, а я отправлюсь в Толедо, к моему брату королю дону Альфонсо». Когда услышали это жители Саморы, то были очень опечалены, поскольку были в осаде столь долгое время, а теперь наконец должны были сдать город, и решили они уйти все вместе с инфантой и не оставаться в городе. Теперь расскажем о том, как это разрешилось.

*Глава 835. О том, как король дон Санчо
принял в вассалы Вельида Адольфо,
и сказали ему жители Саморы, чтобы он
остерегался его*

Когда инфанта донья Уррака говорила с жителями Саморы, был там один рыцарь, которого звали Вельид Адольфо; и когда услышал он слова инфанты и ответ консехо, то сказал донье Урраке: «Сеньора, я пришел в Самору с тридцатью рыцарями — моими вассалами, и, слава Богу, хорошо Вам служил вместе с ними долгое время; и прошу Вас, чтобы Вы сделали мне нечто, что Вы знаете, и чего никогда Вы не захотели бы мне сделать; и если Вы мне это пообещаете, то я избавлю Вас от короля дона Санчо под городом и заставлю снять осаду с города». Молвила тогда донья Уррака: «Вельид Адольфо, я отвечу тебе пословицей, сказанной одним мудрецом: “Хорошо торговаться с неловким и несчастным”, — и ты сейчас это делаешь со мной. Я не приказываю тебе, чтобы ты сделал что-либо из того зла, что ты задумал; но скажу тебе, что нет такого человека, для которого я не сделала бы чего угодно, о чем он меня попросил бы, если бы он убрал моего брата из-под Саморы и заставил бы его снять осаду». Когда услышал это Вельид Адольфо, то поцеловал он руку донье Урраке и не сказал ей более ничего; потом он направился к воротам города и поговорил с привратником, и сказал ему, что если тот увидит его убегающим, чтобы открыл он ему ворота, и отдал за это привратнику плащ со своего плеча. Затем отправился он к своему дому, и вооружился, и сел на своего коня, и поехал к дому дон Ариаса Гонсало, и сказал ему: «Мы все хорошо знаем, что Вы хотите жить с доньей Урракой, а потому не хотите, чтобы она заключала какой-либо договор или обмен со своим братом». Когда услышал эти слова дон Ариас Гонсало, то опечалился он сильно в сердце своем, и сказал: «В плохой день я родился! В старости моей говорят мне такие слова и нет никого, кто бы отомстил за меня тому, кто их сказал». Поднялись тогда его сыновья, и наскоро вооружились, и помчались вслед за Вельидом Адольфо, убегавшим к городским воротам. Но привратник, когда увидел его, распахнул их, как они и договорились. И этот Вельид Адольфо выехал [за город] и отправился к королю дону Санчо, и поцеловал ему руку, и молвил ему лживые слова, и были они таковы: «Сеньор, из-за того, что я советовал консехо Саморы, чтобы они сдали Вам город, сыновья дон Ариаса Гонсало хотели убить меня; и я прибыл к Вам, и становлюсь Вашим вассалом, и я покажу Вам, как сделать так, чтобы, если Богу это будет угодно, Вам сдали Самору уже через несколько дней; а если я не сделаю того, о чем говорю, то убейте меня за это». И король поверил ему, и сделал своим вассалом, и оказал ему большие почести; и за всем этим сделался Вельид Адольфо

самым приближенным к королю. Утром следующего дня один рыцарь из города поднялся на вершину стены, и громким голосом крикнул группе осаждавших, так, чтобы все его слышали: «Король дон Санчо, услышьте сердцем то, что я хочу сообщить Вам. Я рыцарь и идадьго⁴¹, и мой отец, и мои деды почитались за верность, и хочу Вас предостеречь, и сказать Вам правду, если Вы захотите мне поверить. Говорю Вам, что отсюда, из города, выехал предатель⁴², которого зовут Веллид Адольфо, и отправился Вас убить, так что берегитесь его. И передаю я Вам это потому, что если, к несчастью, будет Вам от него какое-нибудь зло, чтобы не говорили потом другие испанцы, что Вас не предупреждали заранее». Но сообщает здесь архиепископ дон Родриго⁴³, что жители Саморы послали тайно передать королю дону Санчо, дабы он остерегался этого предателя; и король очень благодарил их за это, и послал сказать им, что, если возьмет город, то сделает им много добра и окажет большую милость, и что будет охранять их. Когда услышал эти слова Вельид Адольфо, то явился к королю и молвил: «Сеньор, старый Ариас Гонсало очень умен, и поскольку он знает, что я сдам Вам город, то и приказал сказать такие слова». После того, как Вельид сообщил это королю, потребовал он своего коня, чтобы было похоже на то, что он хочет ехать в другие земли, ибо очень опечален сказанным о нем. И король взял его тогда за руку и сказал: «Друг мой и мой вассал, не придавайте этому никакого значения; так как точно говорю Вам, что если возьму Самору, то сделаю Вас наибольшим и наилучшим в ней, таким, каким сейчас там является дон Ариас Гонсало». Тогда поцеловал Вельид Адольфо руку королю и пожелал, чтобы дал королю Бог жизни и здоровья, чтобы исполнить сказанное. Но, хотя предатель и молвил это, другое держал он в сердце своем. Теперь расскажем о том, как осуществил это Вельид Адольфо.

*Глава 836. О том, как Вельид Адольфо убил
короля дон Санчо, и о том, что сделал Руй Диас Сид Кампеадор*

После того, о чем было сказано, Вельид Адольфо, желая осуществить предательство, которое замыслил в своем сердце, отвел короля дон Санчо в сторону и сказал ему: «Сеньор, если сочтете Вы это правильным, поскачем с Вами вдвоем, и поедем вокруг Саморы, и посмотрите Ваши рвы, которые Вы приказали выкопать⁴⁴, а я покажу Вам проход, который саморцы называют д'Арена, через который мы проникнем в город, так как этот проход никогда не закрывается; и после того, как стемнеет, дайте мне 100 рыцарей идадьго, которые пойдут со мной, и мы вооружимся, и пойдем пешими; и так как саморцы ослабели от голода и страданий, они позволяют нам победить, и мы откроем ворота, и войдем, и будем

удерживать их открытыми, пока не вступят все остальные, и так захватите Вы город». И король поверил ему и ответил, что согласен со сказанным. И поскакали они вдвоем; и объезжая город кругом в удалении от войска, Санчо смотрел, каким образом он смог бы поскорее взять город, и осмотрел свои рвы, и затем показал ему тот предатель проход, через который, по его словам, они вступят в город; и после того, как объехали они город вокруг, пожелал король спуститься на берег Дуэро и передохнуть; и вез он в руке маленькое позолоченное копьецо, как это было в обычае у королей, и отдал его Вельиду Адольфо, чтобы он подержал его, а сам отошел сделать то, чего потребовала [его] природа, и без чего не может обойтись ни один человек. А Вельид Адольфо двинулся вслед за королем, и когда увидел, что тот занят своим делом, ударил его этим копьем, и вошло оно в спину, а вышло с другой стороны через грудь⁴⁵. И после того, как ранил он короля таким образом, взнуздal лошадь и помчался так быстро, как мог, к проходу, который показал королю для того, чтобы проникнуть в город. А еще до этого совершил Вельид Адольфо другое предательство, так как убил он графа дона Нуньо, как [поступать] не должно. Руй Диас Сид, когда увидел его убегающим, спросил его, почему он бежит; но не захотел тот говорить с ним, и ничего ему не ответил. Понял Сид тогда, что сделал Вельид Адольфо нечто дурное, или что вдруг убил он короля, раз убегал столь быстро, поскольку был Вельид самым приближенным к королю, настолько, что никогда не отдалялся от него. И потребовал Сид в крайней спешке коня, но пока его подали, Вельид Адольфо был уже далеко. И в большой тревоге за своего сеньора Сид, схватив копье, пустился вслед за Вельидом, изо всех сил подгоняя свою лошадь и не дождавшись даже, пока ему пристегнут шпоры. А Вельид не скакал более к проходу в стене, но направился к городским воротам; и рассказывает здесь история, что нагнал Сид Вельида, въезжающим в городские ворота, и что ударил его копьем, и что почти втолкнул его в ворота, и говорят, что убил он там его лошадь, и что убил бы его самого, если бы только имел шпоры. Но архиепископ дон Родриго говорит об этом таким образом: что Сид не смог догнать Вельида Адольфо из-за шпор, которые не были надеты, но что преследовал он его до городских ворот, и там проклял Сид всякого рыцаря, который ездит без шпор. И во всех бранных делах, через которые прошел Сид, не находили «добрые люди» ничего, что позволило бы усомниться в его храбрости, кроме как в этом, так как не последовал он за Вельидом Адольфо в ворота и не убил его, настигнув там. Но он не сделал этого не по причине какой-либо слабости, и не из страха перед смертью или пленом; просто забыли о том, что Сид не был снаряжен так, как должно.

Глава 837. О том, как Вельид Адольфо был взят под стражу

После того, как Вельид Адольфо приехал в Самору, он, будучи в большом страхе, в котором бежал, направился к инфанте донье Урраке и спрятался под ее плащом⁴⁶. Молвил тогда дон Ариас Гонсало донье Урраке: «Сеньора, во имя Бога, прошу Вашей милости, чтобы выдали Вы этого предателя кастильцам, дабы иначе не произошел Вам от того большой ущерб, так как захотят они обвинить Самору и после этого Вы не сможете защитить ее». Отвечала ему донья Уррака: «Дон Ариас Гонсало, посоветуйте мне, что сделать с ним такого, чтобы он не умер за совершенное им». Ответил ей дон Ариас: «Сеньора, так отдайте его мне, а я прикажу его охранять на протяжении трех сроков по девять дней; и если кастильцы обвинят нас, то мы выдадим его им, а если не обвинят в эти сроки, то мы изгоним его из города так, чтобы никогда более он не появлялся среди нас». Инфанта донья Уррака должна была согласиться с суждением, которое высказал ей Ариас Гонсало, и позволила ему задержать Вельида Адольфо. И Ариас Гонсало схватил его и приказал заковать в две пары кандалов и охранять очень строго.

Глава 838. О смерти короля дона Санчо

Таким образом Вельид Адольфо был арестован, и случилось так, что пошли кастильцы искать своего сеньора и нашли его на берегу Дуэро, где лежал он смертельно раненный, но не потерявший еще дара речи; и было у него в теле копьецо, прошедшее через спину и грудь, но не осмеливались его вытащить из страха, что потеряет он речь и [тут же] умрет. И явился туда старший лекарь, бывший тогда в войске, и приказал отпилить древко с одной стороны и с другой так, чтобы не потерял король дара речи. Сказал тогда граф Гарсия де Кабра, которого называли Курчавым Граньонцем: «Сеньор, подумайте о своей душе, так как Ваша рана очень тяжела». Молвил в ответ король: «Будьте Вы благословенны, граф, за то, что высказались столь верно, ибо хорошо понимаю я, что умираю, и что убил меня предатель Вельид Адольфо, который сделался моим вассалом; и я сознаю, что произошло это со мной за мои грехи, и за притеснения мною собственных братьев, и за то, что я преступил обещание, данное моему отцу, и клятву, которую я принес в том, что никогда не отниму ни у кого из своих братьев ничего из их владений». Король закончил свою речь, когда подъехал Сид Руй Диас и склонил перед ним колени, и сказал ему так: «Сеньор, я остаюсь без защиты и без совета более, чем кто-либо из Ваших вассалов. Когда Ваш отец, король дон Фернандо, разделил королевство, то поручил он мне и Вам, и всем

Вашим братьям, чтобы вы делали мне добро, а я же нес службу Вам; и я служил Вам, и причинил им большой ущерб, который они помнят и хотят мне зла. И теперь нет мне нужды ни идти к маврам, к дону Альфонсо, Вашему брату, который [находится] там, ни оставаться у христиан, с доньей Урракой, Вашей сестрой, так как помнят они, сколько зла Вы им причинили, и которое я посоветовал Вам совершить. И хорошо знаете Вы, сеньор, что всегда я давал Вам советы как обязан сеньору верный вассал, и никогда я не присоветовал Вам злого, и не были мои советы дурны; а потому прошу Вашей милости, чтобы Вы вознаградили бы меня, прежде чем скончаюсь». Приказал тогда король, чтобы его усадили на песок; и встали вокруг него графы, магнаты, архиепископы и епископы, и сказал он им так: «Друзья и вассалы, во всем, что сказал Сид о том, что советовал он мне весьма верно и правильно, нет ни единого слова неправды, и никогда не давал он мне советов совершать злое кому-либо; а потому прошу я сейчас графа дона Гарсию, как доброго и верного вассала, чтобы когда придет из владений мавров мой брат дон Альфонсо, что случится, как я думаю, сразу же, как только он узнает о моей смерти, чтобы просил его граф вместо меня, дабы делал он добро Сиду, и чтобы принял он его в число своих вассалов». Тогда граф поцеловал руку королю и молвил, что так и поступит. Сказал тогда король всем: «Прошу я вас, как друзей и добрых и верных вассалов, чтобы вы передали моему брату дону Альфонсо, и очень просили бы его, пусть простит он мне то зло, которое я ему причинил, и чтобы молили вы все Бога за меня, дабы помиловал он мою душу». После того, как он молвил это, попросил он свечу, и отлетела душа его. И много горевали по этому все его вассалы и остальные жители королевства. Говорит архиепископ дон Родриго, что рассеялось тогда большинство войска, и бежал каждый в свою сторону, бросив все свои вещи, и некоторые из них были убиты или пойманы своими недоброжелателями в беспорядке и спешке, которые возникли из-за смерти короля. Но, между тем, рыцари из знатных кастильцев оставались спокойными, обратив свои мысли к тому, что должно, и храня свою верность и свою добрую славу, сопутствовавшую их оружию, как хранил ее их род, из которого они вышли. После этого часть магнатов войска воедино с епископами взяли тело своего сеньора, короля дона Санчо, и отнесли его в монастырь Онья, и похоронили там с большими почестями, как и подобает королю. А другая часть знати оставалась с войском под городом.

Глава 839. О том, как Диего Ордоньес обвинил жителей Саморы, и о том, что ему ответил на это дон Ариас Гонсало

После того, как король дон Санчо был похоронен, магнаты и прелаты вернулись обратно к войску. И по такой серьезной причине, какой была смерть короля и сеньора, собрались они все обсудить, как они будут объявлять саморцам о разрыве связей дружбы и доверия⁴⁷; и встал тогда граф дон Гарсия де Кабра и сказал: «Друзья, вы все видели, как потеряли мы нашего сеньора короля дона Санчо, и убил его предатель Вельид Адольфо, будучи его вассалом, и после того, как предательство было совершено, скрылся он в Саморе, и горожане приняли его; и как уже было нами сказано, предатель сделал свое дело при соучастии саморцев; и если здесь найдется кто-нибудь, кто захочет вызвать⁴⁸ саморцев за это, мы — все остальные — обеспечим его оружием и конями и всем, в чем он будет нуждаться, пока тяжба по вызову не будет завершена». После того, как граф произнес эти слова, все замолчали, и никто не произнес ни слова. После большой паузы поднялся один кастильский рыцарь по имени Диего Ордоньес, умелый и опытный воин, сын графа Ордоньо де Лара, и сказал так: «Если вы все обеспечите меня тем, о чем сказал граф, я обвиню консехо Саморы за смерть нашего сеньора короля дона Санчо». И все пообещали ему это, подняв руки. Дон Диего направился в свой лагерь, вооружился, сел на коня и отправился бросить вызов саморцам. И когда подвезал он близко к городу, то прикрылся щитом, чтобы не ранили его стрелой, и начал громким голосом звать дона Ариаса Гонсало. Один оруженосец, находившийся в это время на гребне стены, пошел и сообщил дону Ариасу Гонсало: «Сеньор, хорошо вооруженный кастильский рыцарь находится под стенами города и громко зовет Вас. Если хотите, можно выстрелить в него из арбалета и ранить его или убить, или же поразить его лошадь». Отвечал ему дон Ариас Гонсало, что ни в коем случае не следует этого делать. И дон Ариас Гонсало со своими сыновьями, которые его охраняли, поднялся на гребень стены, чтобы узнать, что надо этому рыцарю, и спросил его: «Друг⁴⁹, чего ты просишь здесь?». Отвечал ему дон Диего Ордоньес: «Кастильцы потеряли своего сеньора и убил его предатель Вельид Адольфо, будучи его вассалом, а после того, как он совершил это предательство, вы приняли его в Саморе. И потому заявляю, что он — предатель, и предателем является тот, кто принял его у себя, если либо знал о совершенном, либо советовал ему совершить предательство, либо же мог его предотвратить [но не предотвратил]. И обвиняю в этом саморцев как взрослых, так и детей, как мертвых, так и живых, как тех, кто должен появиться на свет, так и тех, кто уже родился, а также воду, которую они пьют, и одежды, которые они носят, и даже

камни крепостной стены. И если в Саморе есть тот, кто заявит, что сказанное мной не является правдой, — я сражусь с ним; и если захочет Бог, чтобы я победил, то останетесь вы все такими, как я сказал». Отвечал ему тогда дон Ариас Гонсало: «Если я таков, как ты говоришь, то не должен был я рождаться на свет, но в том, что ты говоришь, — ложь, и хочу сказать тебе, в чем именно: в том, что делают взрослые, нет вины детей, еще не вошедших в возраст [совершеннолетия]; невиновны также и мертвые, поскольку не видели и не слышали происшедшего. Что же до того, что ты сказал, пропуская сказанное о детях, мертвых и другие вещи, не имеющее ни смысла, ни разума, то и про все остальное заявляю тебе, что ты лжешь, и сражусь с тобой за это или выставлю бойца. И знай еще одну вещь: каждый, кто вызывает консехо, должен сражаться с пятью, один за другим. И если победит он этих пятерых, то должен быть признан правым, но если хотя бы один из пятерых победит его, то он будет признан лжецом». Сильно загрустил дон Диего Ордоньес, когда услышал эти слова, но прикрылся щитом получше и отвечал так: «Дон Ариас, я дам двенадцать кастильцев, а Вы дайте двенадцать саморцев, и да поклянутся все двадцать четыре на святых Евангелиях, что нас рассудят по праву. И как выскажутся они о том, как должно сражаться, так и сражусь». Заявил тогда дон Ариас Гонсало, что нравится ему Диего Ордоньес, и что согласен со сказанным им. Потом они решили заключить перемирие на три следующих дня.

Глава 841. О том, как решено было, согласно праву, что тот, кто вызвал консехо, должен драться на поединке с пятью бойцами, один за другим

Рассказывает об этом история, что после того, как посланцы доньи Урраки отправились в Толедо к дону Альфонсо, вышел дон Ариас Гонсало за пределы города по перемирию, которое было им заключено с войском осаждавших, как мы сообщили об этом [выше], и отправился на встречу с кастильцами, и были с ним все его сыновья и многие другие рыцари из города. И собрались все магнаты и рыцари, которые были в войске и приняли решение о том, что они сделают по поводу вызова, которое было сделано. Решение это было таким: они сочли правильным дать двенадцать алькальдов⁵⁰ с одной стороны и двенадцать с другой, которые и рассудят, как должен сражаться тот, кто вызвал консехо; и сделали они так. И после того, как эти двадцать четыре алькальда решили, что будет согласно праву в том вопросе, о котором они говорили, поднялись двое из них, наиболее знающих и уважаемых, — один от кастильцев и один из саморцев, — и сказали, что постановили они согласным праву, как и

было записано, что всякий, кто вызвал консехо за измену и предательство, если это консехо является главой архиепископства или епископства, тот должен драться на поединке с пятью противниками один за другим, и каждому из них должны обеспечить оружие и коня и давать есть три [порции] супа и пить вина или воды, сколько тот ни захочет. И обе стороны пообещали, что сделают так. И эти алькальды разметили поле неподалеку от Саморы, в месте, называвшемся Сантьяго, на песке рядом с рекой. И поставили на этом поле в центре круга столб и сказали, что победит тот, кто положит на этот столб руку и скажет, что он победил в этом поединке; и дали им место на девять дней, в течение которых будут сражаться на означенном месте. После того, как все это было сказано и закреплено, как мы сказали, вернулся дон Ариас Гонсало в Самору и рассказал все там донне Урраке. Она приказала тогда просить, чтобы все горожане собирались на сход консехо. И после того, как все они собрались, молвил им дон Ариас Гонсало: «Друзья, прошу вас, если есть здесь кто-нибудь из вас, кто находился в сговоре о смерти короля дона Санчо, или знал об этом заранее и мог предотвратить, то пусть скажет это и не отрицает; так как раньше хочу уехать вместе с моими сыновьями в землю мавров, чтобы не быть побежденными на поле и не стать изменниками». Тогда сказали ему все, что нет среди них никого, кто бы слышал или был бы в сговоре по такому делу. И опечалился сильно по этому поводу дон Ариас Гонсало и приказал им всем, чтобы шли они по домам; отправился он со своими сыновьями домой и выбрал четырех из них для поединка и сам стал пятым; и наставил их, как им следует вести себя, когда будут на поле и еще сказал, что он хочет сражаться первым: «Если правда будет в том, что говорил кастилец, то я умру первым и не увижу Вашего горя; а если то, что он говорил, — ложь, то выиграю я бой и будете вы почитаемы вечно».

Глава 842. О том, как победил Диего Ордоньес Педро Ариаса и убил его

После этого, когда пришел день поединка, а было это в первое воскресенье июня, ранним утром снарядил дон Ариас Гонсало своих сыновей и потом они снарядили его. И послал гонца [чтобы узнать], явился ли Диего Ордоньес для того, чтобы выйти на поле. И вскочил он вместе с сыновьями на коня, чтобы прибыть туда же; и когда выезжал он из ворот своего дворца, вышла донья Уррака с частью дам из своей свиты и сказала, заливаясь слезами: «Дон Ариас, идите, помня о том, как мой отец, король дон Фернандо, оставил меня на попечение Вам и Вы поклялись в его руках⁵¹, что никогда меня не покинете, а сейчас хотите оставить

меня, если начинаете там то дело; только прошу Вас, чтобы Вы остались и не выходили бы драться, так как достаточно здесь тех, кто может заменить Вас». Разоружился тогда дон Ариас, и собралось множество рыцарей просить у него оружие, чтобы сразиться за него, но не захотел он дать оружие никому, кроме своего сына Педро Ариаса, который был очень храбрым рыцарем, несмотря на то, что по годам был еще ребенком, и который очень хотел драться за отца. Дон Ариас сам снарядил сына своими руками и наставил его, как следует драться; после этого благословил он сына и сказал, что как Господь наш Иисус Христос явился через Святую Деву Марию, чтобы спасти наш мир, так и он сейчас пойдет, чтобы спасти саморцев. А потом отправился Педро Ариас на поле, где его уже дожидался хорошо вооруженный Диего Ордоньес. Подошли к ним присяжные⁵² и показали им круг и его границы, за которые бойцы не должны были выходить; и объяснили им, что победит тот, кто положит руку на столб, установленный в центре поля, и скажет, что он отобрал поле. После этого оставили их присяжные внутри круга, а сами вышли за его пределы. А те, которые должны были сразиться, натянули поводья лошадей и помчались навстречу друг другу, как и должны были, и нанесли друг другу очень сильные удары и кололи друг друга пять раз с великой яростью; и на шестой раз сломали они копья и взялись за мечи; и нанесли друг другу такие сильные удары, что разбили шлемы. И длилось все это до середины дня. Когда увидел дон Диего, что так держится Педро Ариас, что не может он его победить, вспомнил он тогда, что сражается, чтобы отомстить за своего сеньора, предательски убитого, и собрал силы, как только мог, и занес меч и нанес такой сильный удар Педро Ариасу, что разрубил ему шлем, кольчугу и отсек часть лица. Тогда Педро Ариас от боли и от крови, заливавшей ему глаза, вынужден был обхватить шею коня, но не потерял при этом ни стремян, ни меча из руки. Диего Ордоньес, когда увидел такое положение, решил, что тот умер и не захотел больше бить его и громко закричал: «Дон Ариас Гонсало, пошлите мне другого сына, так как этот никогда больше не принесет Вам известий». Услышав такое, Педро Ариас, хотя и был смертельно ранен, обтер кровь с лица рукавом кольчуги, поднялся в седле, взял меч двумя руками и яростно ринулся на дон Диего; и хотел ударить его в макушку, промахнулся и нанес такой сильный удар его коню, что отрубил ему ноздри и всю переднюю часть морды с поводьями. От раны конь обезумел, и Диего Ордоньес, не имевший возможности его удержать, когда увидел, что конь сейчас выбежит за пределы круга, упал с него и остался внутри границы. Педро Ариас же в то время пал на землю мертвым за пределами круга. Дон Диего поднялся, и пошел, и положил руку на столб, который стоял в середине поля и произнес: «Один побежден, хвала Господу». Подошли тогда к нему присяжные, и взяли его за руку, и отвели к вой-

ску, и разоружили его и дали ему поесть три [порции] супа и выпить вина, как было положено, и отдохнул он немного. Потом принесли ему другое оружие и доспехи, и вооружили его, и дали ему хорошего коня, и пошли с ним до поля.

Глава 843. О том, как победил Диего Ордоньес Диего Ариаса и убил его

После этого выехал против него другой сын дон Ариаса Гонсало, которого звали Диего Ариас, прекрасно снаряженный и на хорошем коне; и шли с ним до круга отец и братья его. После этого пришли присяжные, взяли коней обоих под уздцы и ввели их в круг, и оставили их там, и вышли сами за пределы круга. Тогда Диего Ордоньес и Диего Ариас выехали один против другого и нанесли друг другу такие сильные удары копьями, что разбили щиты с первого же удара. После этого нанесли по несколько ударов с такой яростью, что сломали копья; сломав копья, взяли они в руки свои добрые мечи, и начали рубиться, и так били друг друга, что разрубили шлемы и рукава кольчуг. Когда увидел это дон Диего, то собрал все свои силы, какие мог, устремился на противника и нанес тому такой [сильный] удар мечом в основание плеча, что разрубил его до самого седла; и пал Диего Ариас мертвым на землю. Тогда дон Диего Ордоньес подъехал к столбу, который стоял в середине поля, и положил на него руку, и произнес: «Дон Ариас Гонсало, пошлите другого сына, так как двое уже побеждены, хвала Господу». Вошли тогда в круг присяжные и взяли Диего Ордоньеса за руку, чтобы вывести его за границы, и сказали они ему, что мертвец еще не побежден, так как лежит в пределах круга; и нужно, чтобы Диего Ордоньес спустился с коня и вынес его за круг, как тот есть, при всем оружии и доспехах, и еще следил и опасался, чтобы не выйти самому хотя бы шагу за границу. Дон Диего сделал так, как ему приказали присяжные: спустился с коня, взял труп за ногу и волочил его по земле до борозды, бывшей пределом круга; потом бросил его на землю и, пихая ногами, выбросил за круг. А затем вернулся еще раз положить руку на столб, стоявший в центре, и заявил, что предпочитает сражаться с живым, чем выкидывать мертвого с поля. Тогда пришли присяжные и вывели из круга Диего Ордоньеса и отвели его в войско и вновь сняли с него доспехи, как и в прошлый раз, и отдохнул он немного, и потом съел три [порции] супа, и выпил вина. А после этого снарядили его другими доспехами и оружием, и поскакал он на прекрасном коне к кругу.

Дон Ариас, сильно горюя о сыновьях, которые уже погибли, позвал другого своего сына, которого звали Родриго Ариас; был Родриго Ариас очень умелым, храбрым и удачливым рыцарем, и был он самым старшим из пятнадцати братьев; и сказал дон Ариас: «Сын, прошу Вас пойти и сразиться с Диего Ордоньесом за спасение консехо Саморы, и доньи Урраки Фернандес, и Ваших братьев; если их спасете, значит Вы были рождены в счастливый день». Ответил на это Родриго Ариас: «Отец, благодарю Вас за все, что Вы мне сейчас сказали; верьте, что я либо умру, либо спасу консехо». После того стал он облачаться в доспехи, и отец помог ему в этом, а затем поехал на своем коне на поле. Туда же пришли присяжные и взяли коней Диего Ордоньеса и Родриго Ариаса под уздцы, и отвели в круг, и оставили их там. И после того, как присяжные покинули границы, ринулись друг на друга Диего Ордоньес и Родриго Ариас. И промахнулся с ударом дон Диего, но не промахнулся Родриго Ариас: он нанес такой удар копьем, что разбил вдребезги щит [противника] и сломал переднюю луку седла, и заставил того ухватиться за шею лошади, поскольку выбил его из стремян. Но хотя Диего Ордоньес и потерпел неудачу с первым ударом, все же собрался с силами и помчался на Родриго Ариаса и нанес ему копьем такой удар, что разбил щит и загнал ему большой кусок железа в плоть. После этого схватились они оба за мечи и начали рубиться с великой силой и яростью; и нанес Родриго Ариас дону Диего такой удар, что разрубил ему всю левую руку до кости. Диего Ордоньес также, когда почувствовал, что серьезно ранен, встал против Родриго Ариаса и ударил того мечом в темя, так, что разрубил шлем и кольчужный капюшон и половину черепа. Родриго Ариас, почувствовав, что ранен смертельно, оставил поводья, перехватил меч двумя руками и нанес такой страшный удар коню Диего Ордоньеса, что отрубил тому около половины головы. Конь, громко заржав от раны, начал носиться туда-сюда с Диего Ордоньесом и выбежал за пределы круга и там конь умер. Родриго Ариас также поднял своего коня вслед за Диего Ордоньесом и упал на землю мертвым. Дон Диего хотел тогда вернуться в круг и сражаться с остальными; но присяжные не пожелали ни продолжать бой, ни решать, были ли побеждены саморцы или нет; так и осталось это дело неразрешенным...

¹ Общие сведения о хронике на русском языке см.: Менендес Пидаль Р. Всеобщая хроника Испании, составленная по повелению Альфонса Мудрого // *Он же. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения*. М., 1961. С. 344–381.

² *Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance* / Ed. R. I. Burns. Pennsylvania, 1990.

³ Из последних работ следует назвать прежде всего следующие: *El Scriptorium alfonsí: de los libros de astrología a las «Cantigas de Santa Maria»*. Madrid, 1999; *González Jiménez M. Alfonso el Sabio*. Barcelona, 2004. Назовем также другие важные работы, посвященные личности Альфонсо Мудрому и, в особенности, историографическим трудам, создававшимся под его руководством: *Menéndez Pidal R. El imperio hispánico y los cinco reinos*. Madrid, 1950; *Primera Crónica General que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289* / Ed. R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955; *Catalán (Menéndez Pidal) D. De Alfonso X al conde de Barcelos: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal*. Madrid, 1962; *Idem. El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio* // *Romania*. 1963. 84. P. 354–375; *Idem. Poesía y novela en la historiografía castellana de los siglos XIII y XIV* // *Melanges offerts à Rita Lejeune*. Vol. I. Gembloux, 1969. P. 423–441; *Idem. Don Juan Manuel ante el modelo alfonsí: el testimonio de la «Crónica abreviada»* // *Juan Manuel Studies*. London, 1977. P. 17–51 (библиография цитируется по работе П. Линеэна: *Linehan P. From Chronicle to History: Concerning the Estoria de España and its Principal Sources* // *Historical Literature in Medieval Iberia*. London, 1996. P. 7–33).

⁴ Прежде всего имеются в виду работы французского филолога Ж. Мартена, англичанина П. Линеэна, испанских исследователей И. Фернандес Ордоньес и уже упоминавшегося Д. Каталана: *Martin G. Cinq opérations fondamentales de la compilation: l'exemple de l'Histoire de l'Espagne (étude segmentaire)* // *L'Historiographie médiévale en Europe* / Ed. J.-Ph. Genet. Paris, 1991. P. 99–109; *Idem. Les Juges de Castile: mentalités et discours historique dans l'Espagne médiévale* // *Annexes des Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale*. 1992. 6; *Linehan P. Op. cit.*; *Idem. History and the Historians of Medieval Spain*. Oxford, 1993; *Fernández Ordoñez I. La Estoria de España, la General Estoria y los diferentes criterios compilatorios* // *Revista de Literatura*. 1988. 50. P. 15–35; *Idem. Las Estorias de Alfonso el Sabio*. Madrid, 1992; *Idem. Novedades y perspectivas en el estudio de la historiografía alfonsí (2001)* // http://www.uam.es/personal_pdi/filoyletras/ifo/publicaciones/9_a.pdf; *Catalán D. La «Estoria de España» de Alfonso X: creación y evolución* // *Fuentes cronísticas de la Historia de España*. 5. Madrid, 1992.

⁵ Менендес Пидаль Р. Всеобщая Хроника Испании... С. 348.

⁶ Кроме имен, мы почти ничего не знаем об этих людях. См., например: *Linehan P. History and the Historians of Medieval Spain*. Oxford, 1993.

⁷ Cf.: *Procter E.S. Alfonso X of Castile; Patron of Literature and Learning*. Oxford, 1951.

⁸ *Rodericus Toletanus. De rebus Hispaniae // Rerum Hispanicarum Scriptores. T. I. Francofurti, 1579. P. 148–289.*

⁹ Родриго Хименес де Рада (1189?–1247) был священником, придворным, воином но, прежде всего, выдающимся историком. Он изучал право в Болонье, философию и теологию в Париже. В 1208 г. Родриго был избран епископом Осмы, однако в том же году архиепископ Толедский дон Мартин незадолго до своей смерти назначил его своим преемником. В феврале следующего года де Рада получает папское благословение на эту должность, на которой остался уже до самой смерти. В 1217 г. он получил от Гонория III полномочия папского легата в Испании для организации крестового похода всех христианских королей Испании против мавров. Перу Родриго Хименеса де Рада принадлежит несколько трудов, наиболее значительным является «Готская история» (*De rebus Hispaniae*). Также им были написаны «История арабов» и «История римлян». В качестве источников для своей «Готской истории» Родриго активно использовал арабские тексты, что обусловило точность его описаний Реконкисты. Помимо арабских источников, он использовал сочинения св. Исидора, Сульпиция Севера, Диона Кассия, Помпея Трога и многих других античных и раннесредневековых авторов. См.: *Sánchez Alonso B. Historia de la historiografía medieval española. Madrid, 1947.*

¹⁰ *Lucus Tudensis. Chronicon mundi // Hispania illustrata. T. 4. Francofurti, 1603–1608. P. 116.*

¹¹ Лука Туйский жил в XIII в., точные даты его жизни неизвестны. Свою «Всемирную хронику» написал будучи еще каноником в Леоне. Вскоре после того как Лука закончил свою работу, он был возведен в сан епископа Туйского. Его произведение, состоящее из четырех книг, начинается с сотворения мира и заканчивается взятием Кордовы в 1236 г. В качестве источников Луки Туйского можно назвать сочинения св. Исидора Севильского, св. Ильдефонса, хронику Идация, «Историю Галлии» св. Юлиана Толедского, «Хронику Силосского монаха», а также эпические тексты. В отличие от Родриго де Рада, который практически всегда стремился осмыслить используемые им тексты и переложить по своему, Лука Туйский зачастую просто копировал сочинения предшественников, лишь ссылаясь на них. См.: *Sánchez Alonso B. Historia de la historiografía medieval española. Madrid, 1947.*

¹² *Reig C. El Cantar de Sancho II y cerco de Zamora. Madrid, 1947. P. 10 (Revista de la filología española. Anejo XXXVII).*

¹³ *Ibid. P. 15.*

¹⁴ *Ibid. P. 22.*

¹⁵ *Chronica Najerense / Ed. G. Cirot // Bulletin Hispanique. 1909. T. 11. P. 259–282; Ibid. 1911. T. 13. P. 381–439.*

¹⁶ Более подробно об институте вызова (*riepto*) см. следующие работы: *Матвей А.В. Судебный поединок в Кастилии XIII века // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних Веков: Материалы XXI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 2001 год. СПб., 2002. С. 56–57; Otero Varela A. El riepto en el derecho castellano-*

leonés // Idem. Dos estudios historico-juridicos. Roma; Madrid, 1955; Idem. El riepto de los fueros municipales // Anuario de historia del derecho español. 1959. T. XXIX. P. 153–173.

¹⁷ *Otero Varela A. Coloquio sobre riepto a concejo // Anuario de historia del derecho español. 1984. T. LIV. P. 593–598.*

¹⁸ *Ibid. P. 595.*

¹⁹ Отсчет времени по «испанской эре» введен во II в. н. э. Хронология от Рождества Христова в Испании и Португалии была признана единственной лишь в конце XIV в.

²⁰ Имеется в виду Генрих IV (1053–1106). Хронист допускает неточность: в описанное время Генрих был еще не императором, но лишь королем: императорский титул он получил в 1084 г., после всех известных перипетий, обусловленных конфликтом с папой Григорием VII.

²¹ Монастырь свв. Факунда и Примитива, вокруг которого позднее возник город Саагун, был основан в X в. Тесная связь с леонскими (и кастильско-леонскими) королями обусловила расцвет города. Другой причиной стало местоположение города на «дороге Сантьяго» – пути паломничества в Сантьяго-де-Компостела. Подробнее об этом городе и его истории см.: <http://www.sahagun.org/>

²² Город в Старой Кастилии. Центр кастильского графства, он во многом сохранил свое значение даже после завоевания Толедо Альфонсо VI в 1085 г. Расцвет города также связан с близостью к «дороге Сантьяго». Подробнее об этом городе и его истории см.: <http://www.aytoburgos.es/default.asp?contentid=0&nodeid=0>

²³ Каррион (*Carrion de los Condes*) – город в современной провинции Паленсия (Испания). Важное стратегическое положение – как и Саагун, Каррион находится на «дороге Сантьяго», – сделало этот город одним из самых важных центров Кастильско-Леонского королевства. В Средние века Каррион был столицей одноименного графства. Подробнее об этом городе и его истории см.: <http://users.servicios.retecal.es/gfc/carrion/index.htm>

²⁴ *Mesnada* – свита, состоявшая только из вассалов. Обычно противопоставлялась *compranna*, в которую могли входить и другие сопровождавшие (так называемые *amigos*), не являвшиеся вассалами вождя.

²⁵ Коимбра – город в современной Португалии, был отвоеван у мавров в 1064 г. В 1139 г. стал столицей Португальского королевства и оставался ею до 1256 г. Именно под Коимброй, согласно свидетельству Родриго Толедского, Сид получил посвящение в рыцари от короля Фернандо I (подробнее о городе и его истории см.: <http://www.europa.km.ru/portugal/coimbra.htm>; <http://portugal-info.net/costaprata/coimbra.htm>). Сид Руй Диас де Бивар (ум. в 1099) – кастильский рыцарь, ставший национальным героем Испании и символом Реконкисты. Основные источники о нем – латинская «История Родриго» (*Historia Roderici Didaci Campidocti // Risco M. La Castilla y el más famoso castellano. Historia del celebre castellano don Rodrigo Diaz. Madrid, 1792. App.: P. XVI–LX*) и написанная на разговорном старокастильском языке «Песнь о моем Сиде» (*Menendez Pidal R. Can-*

tar del mio Cid: texto, gramática y vocabulario. Parte IV: Texto del Cantar y adiciones. 5 ed. Madrid, 1980).

²⁶ Медина де Риосеко – город в провинции Вальядолид (Испания). Поселение на этом месте существовало с римских времен, однако город с таким названием появился уже во время астурио-леонской колонизации X в. Подробнее о городе см.: <http://es.geocities.com/emoranrioseco/>

²⁷ Вальядолид – город, известный с X в., стоит на берегу реки Писуэрга, в XVI–XVII вв. столица Испании. Ныне – центр провинции Вальядолид (Испания). Подробнее см.: <http://www.espana.ru/dos/dos9>

²⁸ Поцелуй руки (*besamanos*) – речь идет о форме совершения оммажа, которую Родриго Хименес де Рада называл «испанским обычаем». Вассал, подтверждая клятву, данную им сеньору, целовал его руку. При этом нужно отметить, что речь не обязательно шла о клятве вассальной верности – поцелуем руки могли подтверждаться и другие соглашения между вассалом и сеньором. В ответ сеньор зачастую обнимал вассала, свидетельствуя тем самым, что тот находится под его покровительством.

²⁹ Воспитание вассала в доме сеньора – сыновья рыцарей зачастую передавались на воспитание в дом их сеньора. См.: Ауров О.В. Образ жизни кастильского рыцаря XIII века // Вопросы истории. 2003. 8. С.58: «Возникновение традиции подобного “воспитания” детей вассала следует возвести к практике заложенничества. Однако со временем на первый план выступила задача приобщения сыновей небогатых рыцарей к нормам корпоративной рыцарской этики (хроника объединяет их понятием “обычай”), а позднее – и обучения их грамоте. Важное место занимали чисто военные упражнения, к числу которых относилась и охота, игравшая роль своеобразного тренинга. В процессе воспитания между сеньором и его будущим вассалом устанавливались тесные личные отношения, перераставшие во взаимные обязательства. Распоряжавшийся судьбой “воспитанника” и рассчитывавший на его военную службу, “воспитатель” как правило сам посвящал его в рыцари, а также женил (по всей видимости, на свои средства). В бою он стоял с ним плечом к плечу, деля его участь, и если необходимо, погибал вместе с ним. В ответ “воспитанник” неизменно прислушивался к советам наставника, тем более, что тот нес за них личную ответственность. И наоборот, за игнорирование совета наставника следовала жестокая кара».

³⁰ Дворец (*palacio*) – этим термином обозначались резиденции королей, епископов, а также некоторых других представителей высшей знати Кастильско-Леонского королевства. Свой палатый был практически в каждом крупном городе, причем часто их было несколько – королевский, епископский и т. д.

³¹ То есть предоставьте гарантии безопасности.

³² «Добрые люди» (*omes buenos*) – институт, представленный не только в Испании, но и во всей средневековой Европе. Единой точки зрения о его истоках не существует. Одни считают их римскими, возводя к античному *boni homines*. Другие видят германские истоки учреждения. В любом случае, однако, перед нами не социальная элита как таковая, а лишь категория представителей. «Доб-

рые люди» действуют всегда группой (в отличие от системы представительства интересов, зафиксированной в римском праве). Неотъемлемыми условиями включения в их число являлись положительная личная репутация, а также обладание имуществом, достаточным для возмещения ущерба в случае, если таковой будет нанесен их деятельностью (пусть даже и непреднамеренно). В правовых памятниках эпохи Альфонсо X «добрыми людьми» все чаще начинают называть представителей церковной и светской знати, консехо («Хроника...») или самого короля («Семь Партид»).

³³ То есть в районе церкви св. Спасителя.

³⁴ «Вассалы и друзья» – под термином *вассалы* имеются в виду люди, пришедшие сеньору оммаж, а под термином *друзья* – люди, приближенные к сеньору, практически постоянно находившиеся рядом с ним, сопровождавшие его во всех поездках, но не приносившие ему оммаж, что и дает основание выделять их из слоя *вассалов* (см. также ниже).

³⁵ «Королевский гнев» (*ira regia*) – правовой институт, непосредственно связанный с институтом «королевского мира». Король имел право вывести кого-либо за пределы «королевского мира». Такой человек был обязан покинуть пределы королевства в течение девяти дней. В случае, если этого не происходило, он объявлялся предателем (*traidor*) и любой встречный имел право безнаказанно убить его. Подробнее об этом институте см.: Grassotti H. La ira regia en León y Castilla // Cuadernos de Historia de España. 1965. T. XLI–XLII. P. 5–135.

³⁶ Таким образом король оказывает особое почтение своему вассалу.

³⁷ Барбакан – оборонительное сооружение, которое защищало подъемный мост – башенки, соединенные не очень толстыми крепостными стенами перед рвом.

³⁸ 1030 человек – по свидетельству «Хроники...», отряд численностью в 1400 человек считался уже «большим войском» (PCG. Cap. 939).

³⁹ Героические песни – *chançons des gestes*. В данном случае авторы «Хроники...» имеют в виду не сохранившуюся до нашего времени «Песнь о Санчо II и об осаде Саморы».

⁴⁰ «Девять дней» – здесь и далее в тексте это отсылка к институту «королевского гнева» (см. выше).

⁴¹ Идальго – категория рыцарей и оруженосцев, знатных по рождению (в противовес незнатным). Этимология термина (*hidalgo* < *fijodalgo* < *filius de aliquo*) является спорной. См. об этом: Valdeavellano L. García de. Curso de historia de las instituciones españolas. Madrid, 1977.

⁴² Предатель (*traidor*) – предательством в кастильско-леонской традиции называлось преступление, совершенное вассалом по отношению к своему сеньору. Наказанием за предательство служила смертная казнь и поражение в правах всей родни казненного. Об этом см. подробнее: García González J. Traición y alevosía en la Alta Edad Media // Anuario de historia del derecho español. 1962. T. XXXII; Iglesia Ferreirós A. La traición regia en León y Castilla. Santiago de Compostela, 1971.

Из «Первой всеобщей хроники Испании»...

⁴³ Имеется в виду Родриго Хименес де Рада – выдающийся церковный деятель и писатель. Наряду со «Всемирной хроникой» Луки Туйского, его «Готская история» стала важнейшим источником для этой части «Первой всеобщей хроники».

⁴⁴ Укрепления, построенные осаждающими для защиты от вылазок со стороны защитников Саморы.

⁴⁵ Копьецо (*venablo*) – интересно отметить, что авторы-составители «Хроники...» следовали своеобразной «этике оружия»: все честные убийства в тексте совершаются при помощи рыцарского оружия – мечей или копий, в то время как для совершения предательского убийства обычно используется менее знатное вооружение: копьецо, кинжал, нож и т. д.

⁴⁶ Укрывание полой одежды – жест, символизирующий покровительство. Его происхождение практически не изучено. Однако не подлежит сомнению сходство приведенного примера с нормой, отраженной в *Lex Salica*. 46 (*De acfatmire*).

⁴⁷ Разрыв дружбы и доверия (*desafio* от лат. *diffidatio*) – если один человек обвинял другого в измене (*alevosia*) или в предательстве (*traicion*), то свое обвинение он начинал с процедуры расторжения уз «дружбы и доверия»: сам потерпевший, если он был жив, или его ближайшие родственники, или вассалы публично, перед алькальдами или перед королем, объявляли о разрыве отношений «дружбы и доверия» с этим человеком, по той причине, что он совершил то, в чем его обвиняют.

⁴⁸ Институт вызова (*riepto*) представлял собой важную часть правовой культуры Кастильско-Леонского королевства. Согласно королевскому законодательству, поводом для вызова могли служить обвинения в измене (*alevosia*) или в предательстве (*traicion*). «Королевское фуэро» Альфонсо X так описывает процедуру вызова по обвинению в измене: «кто захочет обвинить (*reptar*) другого, должен это сделать следующим образом: пусть вызовет его к королю и потом, когда предстанет перед ним, изложит дело, по которому обвиняет, и пусть скажет ему, что тот, кого он обвиняет, должен считаться изменником (*alevoso*), и что он должен в этом признаться, а если нет, то он либо убьет его, либо вытеснит за пределы поля; и если он захочет доказать это ему со свидетелями или с грамотой или в ходе королевского расследования, то пусть скажет это; и если обвиненный ответит, что обвинитель лжет, и захочет сражаться, пусть скажет это королю, а если же не захочет драться, пусть скажет, что передает дело на решение короля» (*Fuero Real*. IV.25.6).

⁴⁹ Друг (*amigo*) – характерно то, что до официального объявления о разрыве связей «дружбы и доверия» (см. примеч. 47) один идалго всегда обращался к другому как к «другу», даже если они и находились во враждующих лагерях.

⁵⁰ Алькальды – институт выборных судей, действующих коллегиально. Этимология восходит к араб. *al-qadī* – судья. Могли избираться *ad hoc*; в системе консехо, где они появляются в XII в., срок их полномочий определялся годом. Кроме того, продолжали сохранять свое значение различные категории алькальдов, назначенных для конкретных дел (*alcaldes de avenencia* etc.).

⁵¹ Поклясться в руках – т. е. принести тесный оммаж французского образца (*immixtio manuum*). Впервые на роль оммажа как правового инструмента, обеспечивающего особо прочные гарантии соблюдения обязательств, обратил внимание французский историк Ж. Плато. См.: *Platon G. L'hommage feodal comme moyen de contracter des obligations privées // Revue general du droit*. 1902. Т. XXVI. P. 5–18, 97–110, 224–231.

⁵² Присяжные (*fieles*) – в текстах местных фуэро нет данных о том, назначались ли присяжные или избирались. В их обязанности входило вводить бойцов на поле и выводить с него, показать им его границы, объяснить бойцам правила боя и затем следить за их выполнением. Помимо бойцов, только присяжные имели право находиться на поле во время боя; однако, в отличие от первых, они могли свободно входить и выходить за пределы поля, – любой другой человек, вошедший на поле во время боя платил довольно крупный штраф. Согласно «Королевскому фуэро», информация которого в данном случае совпадает со сведениями, взятыми из нарративных источников, время и место для поединка определял король. Истец, либо ответчик, не пришедший в указанный срок на поединок, во-первых, считался проигравшим тяжбу, а во-вторых, – предателем, поскольку он ослушался королевского приказа. Также король указывал, на каком оружии будут биться бойцы, и назначал присяжных, готовивших поле и следивших за ходом боя. Как и в местных фуэро, здесь в обязанности присяжных входило введение бойцов на поле и выведение с него, проверка оружия поединщиков и объявление победителей и побежденных.

Перевод со старокастильского и комментарии А.В. Мареля